

УДК 340.113.1

DOI 10.36511/2078-5356-2021-1-251-257

Трапезникова Елена Валерьевна
Elena V. Trapeznikova

ассистент кафедры теории и истории государства и права
Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, Пермь,
ул. Букирева, 15)

assistant of the theory and history of state and law department
Perm State University (15 Bukireva st., Perm, Russian Federation, 614990)

E-mail: elena.valerevna.t@gmail.com

Лингвистическая конструкция диспозиции нормы права

Linguistic construction of legal rules dispositions

С целью достижения определенности содержания велений норм права требуется оценка языковой основы диспозиции — лингвистической конструкции. Обосновывается введение данного термина для задач научного исследования. Представлены результаты систематизации основных лингвистических конструкций, выражающие управомочивание, обязательство и запреты.

Ключевые слова: предписание, лингвистическая конструкция, диспозиция правовой нормы, сказуемое в грамматическом предложении.

To achieve certainty of the legal rules command content, an analysis of the linguistic basis of the disposition — the linguistic construction — is required. Using this term for the tasks of scientific research is justified. The results of systematization the main linguistic constructions expressing rights, obligations and prohibitions are presented.

Keywords: a prescription, a linguistic construction, a disposition of the legal rules, a predicate in the grammatical sentence.

Язык — исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе [1, с. 917]. Следовательно, язык — способ передачи знаний от поколения к поколению, включая передачу сведений о содержании правовых предписаний.

Основными единицами языка, имеющими значение в юридической технике, являются слово, словосочетание, предложение и текст. Нормоустановитель должен исходить из того, что любой текст, в том числе и нормативный, имеет не только логическую, но и языковую, грамматическую основу [2, с. 47]. Язык права не отличается от литературного языка с позиций использования правил грамматики, существуют лишь некоторые семантические и стилистические различия [3, с. 134]. Законодательные тексты пишутся языком официально-делового

стиля, подстиля языка законодательных актов [4, с. 124]. Исходя из этого, без знания литературного русского языка и его правил невозможно правильное, ясное и точное изложение правовых установлений в грамматических предложениях.

Языковые требования к законам направлены на правильное использование лексических средств языка (нормативных грамматических предложений, юридических фразеологизмов, слов и аббревиатур), выражающих волю законодателя [2, с. 48]. Состоящие из предложений тексты нормативных правовых актов предназначены для точной фиксации юридических правил (правил поведения лиц в различных ситуациях), только в этом случае они способны эффективно регулировать общественные отношения [5, с. 47]. Языковое воплощение нормативного правового акта придает воле законодателя цельность, законченность формы, обеспечивает удобства для изучения и приме-

© Трапезникова Е.В., 2021

нения. Степень достигнутого соответствия воли нормоустановителя и его конечной формулировки в праве во многом зависит от качества предложения, его конструкции, а также соблюдения правил юридической техники [6, с. 63].

Регламентируя конкретное фактическое отношение, законодатель должен придерживаться правила, вытекающего из логического закона «исключенного третьего», что правовое решение должно быть одно [5, с. 62]. В этих целях существуют требования императивности языкового предписания, языковой стандартизованности, «точности, ясности и однозначности используемых слов (терминов), устойчивых оборотов и словосочетаний, чтобы обеспечить четкость и формализованность правового текста» [7, с. 266].

Грамматическое предложение и нормативно-правовое предписание не одно и то же, они не равны друг другу механически. Но решение вопроса определенности содержания диспозиции правовых норм (право, или обязанность, или запрет) изначально основано на применении правил русского языка. Установление синтаксических связей и лексических форм предложения представляет обязательный процесс для нормотворца и правоприменителя в создании и уяснении содержания нормативно-правового предписания.

Следует определиться с термином, обозначающим языковой элемент в формуле толкования норм права [см.: 8].

Наука языкознания обладает собственным терминологическим аппаратом. В последние годы в связи с развитием междисциплинарных исследований возрос интерес к проблемам формирования правовых терминосистем — организованной совокупности слов или словосочетаний, вербальных конструкций, являющихся точным обозначением определенных понятий, используемых в языке юридической науки и ее отраслей [9, с. 67—71; 10, с. 18—28].

В научной литературе по юридической технике часто используются лингвистические термины («фразеологизм», «предложение», «словоформа», «аббревиатура», «словосочетание» и др.).

Словосочетание — сочетание двух или нескольких слов, соединенных подчинительной связью [1, с. 731; 11, с. 131]. Фразеологизмы — наиболее устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в нормативном правовом тексте как готовые единицы языка [5, с. 73]. Предложение — синтаксически и интонационно оформленная конструкция, выражающая сообщение [1, с. 580]. Словоформа — цепочка фонем (ча-

стей слов), формально отличающихся друг от друга [1, с. 731].

В диссертации Р.С. Поздышева применительно к определению технико-юридических особенностей описания длящихся правонарушений использованы термины «словоформы», «правовые фразеологизмы», «словосочетания-индикаторы» [12, с. 11, 109]. Автор выявил особые слова и словосочетания, наличие которых в формулировках охранительных нормативно-правовых предписаний сигнализирует о длящемся правонарушении (например, «уклонение от...», «оставление...», «хранение и(или) перевозка...», «распространение...» и др.).

Действительно, употребление слов или словосочетаний в определенных грамматических формах (часть речи, вид, залог, склонение, время и пр.) несет информацию адресатам норм и правоприменителям о велениях законодателя. Например, использование совершенных форм глагола и причастий («организовавшее») при формулировании составов правонарушений связывает наступление юридической ответственности с фактом наступления определенного негативного результата, а не только с фактом совершения деяния [см.: 3, с. 136].

Однако Р.С. Поздышев терминологически не всегда последователен. Так, в положении на защиту указываются «словоформы» как индикатор длящихся правонарушений, а при характеристике таких правонарушений по тексту диссертации вышеуказанные слова и словосочетания автор именуется «правовыми фразеологизмами» [11, с. 11, 109].

«Недопустимо, когда дуплетность обнаруживается в одной научной работе» [13, с. 47]. «Важным требованием культуры юридического языка является единство используемой терминологии. Причем оно должно распространяться на все сферы: законодательство, реализацию права и юридическую науку» [7, с. 269].

Особенностью терминологии научных исследований является неизбежность предложений о введении новых понятий, для обозначения которых вводятся и новые термины [7, с. 267].

Законодатель излагает правовой материал в доступной форме по определенным схемам (моделям), именуемым юридической конструкцией. «Юридическая конструкция — идеальная абстрактная модель урегулированных правом общественных отношений, которая конструируется из определенных элементов и представляет собой отвлечение, отражение наиболее существенных признаков и сторон общественных отношений как предмета правового регулиро-

вания, и служит средством построения нормативного материала» [3, с. 22—23]. «Это разработанная доктриной и принятая юридическим научным сообществом идеальная модель, позволяющая теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов различных правовых явлений» [14, с. 152].

Модель представляет собой мысленное построение системы, воспроизводящей структуры изучаемого, но неизвестного еще явления по аналогии со структурой известных явлений [15, с. 185—187].

Правовые конструкции как модели возможны именно потому, что исследуемые правоотношения и их явления могут в результате идеализации рассматриваться как явления сложные, структурные, имеющие определенное системно-структурное отношение и состоящее из элементов [16, с. 133].

Как юридические конструкции являются «схемой» построения нормативного материала, так и при формулировании нормативных предписаний по схеме юридических конструкций требуется применение определенных моделей, образцов построения нормативных предложений, фраз правового текста. Отдельные лексемы (слова) еще не составляют законченную мысль; она формируется при наличии определенных связей между словами, основанных на грамматических правилах конкретного языка, благодаря которым отдельные слова приобретают смысл и значение. В юридической науке и практике используются метонимии — слова или выражения, которые употребляются в переносном значении на основе внешней или внутренней связи между двумя предметами или явлениями [17, с. 340—351]. Связанные между собой слова и словосочетания образуют грамматические предложения, которые также имеют свои части, элементы (состав предложения: грамматическая основа предложения — подлежащее и сказуемое, — второстепенные члены предложения — дополнение, определение и обстоятельство).

По аналогии с конструкциями в праве предлагаем для обозначения языковой формы выражения диспозиции использовать термин «лингвистическая конструкция» как указание на некую языковую модель изложения нормативно-правового предписания.

Под понятием «лингвистическая конструкция» мы понимаем обобщенное синтаксически

связанное сочетание определенных слов, выражающих диспозицию нормы права — сказуемое в грамматических предложениях текстов нормативных правовых актов, а также отдельные словосочетания, изменяющие лексическое (этимологическое) значение сказуемого.

В языкознании используются другие прилагательные со словом «конструкция». Грамматика — формальный строй языка (словообразование, морфология и синтаксис), образующий вместе с фонетикой и лексикой его целостную систему [1, с. 143]. Следовательно, понятие «грамматическая конструкция» обладает широким значением, поэтому не применимо для решения частного вопроса формулировки диспозиции предписания. При использовании этого термина утрачивается акцент на описании деяния (диспозиции предписания).

Синтаксическая конструкция — синтаксически связанное сочетание слов, словесное построение [1, с. 291]. Данный термин с большей вероятностью применим в нашем исследовании, но, поскольку его лексическое значение уже определено в языкознании, изменять его значение не представляется корректным. Нам необходим акцент не на связи безразлично каких членов предложения, а именно тех, что описывают деяние (диспозицию предписания).

«Многозначность слов, допускаемая и даже необходимая в художественной литературе, должна быть исключена. Все слова используются в строго определенном, единственном значении» [4, с. 251]. По указанным причинам использование приведенных терминов языковых конструкций для юридических конструкций предписаний представляется не совсем точным.

Лингвистическая конструкция выступает как «огрубленная», упрощенная модель выражения синтаксической основы предложения. «Огрубленная» она, потому что особое значение представляет не вся грамматическая основа предложения, а языковое воплощение сказуемого.

Уровень адекватности воли и интересов законодателя во многом зависит от технического качества предложения, для этого необходимо учитывать соответствие грамматической формы нормативного предложения, которая выражает прескриптивный характер правовой информации. Это обеспечивается констатирующими, повествовательными и утвердительными грамматическими предложениями (вопросительные и побудительные предложения недопустимы) [2, с. 48].

Определенная стандартизация законодательной речи достигается с помощью типовых

речевых оборотов, то есть определенных речевых формул, которые помогают достигать формальную определенность, что является достоинством законодательного стиля. Единообразное изложение норм права способствует единообразному пониманию и применению закона [см.: 3, с. 23]. Чем выше степень формализации, стандартизации законодательного языка, тем большим достоинством обладает нормативный акт.

Синтаксису законодателя присущи громоздкость, длина, сложность предложений и наличие многочисленных однородных членов предложения [4, с. 260]. Поэтому и для законодателя, и для правоприменителя важны знание синтаксиса, умение находить грамматическую основу законодательного предложения и дополнительные члены предложения, часто выражающие гипотезу нормы, или, напротив, сложную или альтернативную диспозицию.

В конкретных синтаксических формах кроются мысли, суждения законодателя о должном и необходимом. Право является такой нормативной системой, которая находит свое синтаксическое выражение в так называемых нормативных деонтических предложениях, конструируемых со словами «должен», «запрещено» и синонимами [4, с. 262]. «Языковые способы выражения функций права и речевое воплощение регулировочных действий оказываются своеобразными в правовой сфере общения, определяя важнейшие специфические стилевые ее черты» [18, с. 320].

Сказуемое как часть основы предложения бывает в глагольной (простой или составной) или составной именной формах. Законодательный язык — язык обязательных для исполнения установлений, правил, а не описаний с использованием различных троп — слов или оборотов речи в переносном, иносказательном значении (олицетворение, гипербола и пр.) [1, с. 813].

Право воздействует на участников правоотношений, предписывая три варианта поведения: предоставляет право, устанавливает запреты и требует исполнения обязанностей. «Святая троица» [19, с. 352] в правовом тексте выражается с помощью различных языковых средств и оборотов.

«Для достижения императивности языковых предписаний в речи законодателя наиболее распространены два приема:

- 1) долженствующе-предписывающий (указание на право, обязанность, запрет поведения);
- 2) констатирующе-предписывающий (с использованием глаголов в инфинитиве и других

временных форм глагола (настоящего, прошедшего или будущего времени) или кратких прилагательных модального характера (со значением долженствования)» [5, с. 50—51].

С правоведами соглашаются и филологи: «императивность и предписывающе-долженствующее значение оказываются характерными для самых разных языковых единиц, функционирующих в этой сфере» [18, с. 320]. Долженствующе-предписывающий характер (императивность) законодательных текстов выражается различными средствами и способами:

- неопределенная форма глагола и инфинитивные конструкции;
- глагол в формах настоящего времени;
- краткие прилагательные модального характера со значением долженствования [18, с. 324—325];
- глагол совершенного вида или сочетание инфинитива с именем существительным или прилагательным [20, с. 277].

Все эти способы императивности достигаются употреблением вышеназванных морфологических форм в составе грамматической основы предложения (сказуемого).

Значительную роль в выражении сказуемого играет глагол как часть речи, обозначающая действие или состояние предмета (подлежащего). Зачастую используется не простое сказуемое («предоставляется»), а составное («не могут быть приговорены», «имеет право заявлять», «может привлекаться»). Особенно характерно для речи законодателя употребление глаголов с ослабленным значением и отглагольным существительным («подвергнуть наказанию», «совершить кражу»).

Достаточно часто в текстах нормативных правовых актов употребляются глаголы настоящего времени в действительном залоге («министр издает приказы и инструкции») или в страдательном залоге («умышленное убийство наказывается»), что на практике вызывает разногласия. В юридической доктрине поясняется, что использование данной формы глагола направлено на краткость формулировок нормы права, и не фиксирует то, что происходит в действительности, а обязывает на совершение определенных действий субъектов права [см.: 21, с. 32]. «Смысл таких конструкций не в фиксации того, что происходит в действительности, а в обязывании или управомочивании адресатов предписаний на совершение определенных действий. Дозволение или обязывание скрыто содержится в указанных формулировках и позволяют кратко формулировать нормы пра-

ва» [16, с. 23]. «То, что внешне похоже на описание, в действительности оказывается особым предписующе-констатирующим способом изложения, при котором, например, за формами настоящего времени глагола предполагается подтекст долженствования (по окончании расследования составляется обвинительное заключение» [18, с. 323].

Особенно часто предложениями констатирующего характера выражены охранительные нормы (например, «кража наказывается...»). Смысл указанных норм состоит не только в том, что нежелательное поведение наказывается, а в запрете совершения отдельных деяний и в том, чтобы обязать и дать право суду наказывать лиц, совершивших запретные деяния, а также обязать нарушителя претерпевать меры наказания, определенные судом.

Специфика юридического языка проявляется в неадекватном конструировании грамматической основы таких нормативных предложений, поскольку не совпадает подлежащее в предложении (кража) и адресат нормы (должностные лица и правонарушитель). А.Ф. Черданцев называет одной из причин такого выражения нормы права в грамматических предложениях стремление к законодательной экономии. «Предложения констатирующего характера обычно используются там, где соответствующее деяние в одно и то же время является правом и обязанностью одного и того же лица (обычно должностного) или проявляется в правах одного и обязанностях другого субъекта [16, с. 39]. Нормы не приписывают характеристику, а предписывают поведение.

Своеобразие юридического языка в конструировании лингвистических конструкций проявляется также в том, что дескриптивные (констатирующие, описывающие) грамматические предложения можно без потери смысла и с соблюдением логических правил преобразовать в прескриптивные (предписывающие) грамматические предложения.

Такое широкое распространение глагольных форм объясняется тем, что право опосредует волевые отношения, отношения действия: оно призывает к действию, пытается управлять поведением субъектов права. Использование глагольных форм в текстах нормативных правовых актов обеспечивает императивность, общеобязательность и неуклонность исполнения предписываемого действия [см.: 4, с. 259].

Также в законодательной речи возможно употребление безглагольных форм, связанных,

как правило, с употреблением отглагольных существительных и кратких прилагательных.

Установление права, обязанности или запрета возможно сочетанием двух отглагольных существительных («исполнение приговора») и других сложных сочетаний («вновь открывшиеся обстоятельства», «возложение обязанности загладить причиненный ущерб») [см.: 4, с. 249] на месте подлежащего, а не сказуемого в предложении, но по своему смысловому значению они имплицитно содержат модель желаемого поведения адресата предписания.

Норма как мысль о должном или дозволенном поведении должна выражаться при помощи нормативных терминов «должен», «обязан», «запрещено», «дозволено» и т. д. А.Ф. Черданцев адекватной формой выражения норм права называет именно грамматическое предложение с использованием указанных нормативных терминов [16, с. 38].

Не вызовет разногласий тезис, что преобладающим способом выражения составного именного сказуемого в законодательных предложениях является использование кратких прилагательных и причастий «обязан», «запрещено» и им подобных. Именно с помощью данных нормативных терминов («может», «должен», «разрешается» и их синонимов и антонимов) формулируются нормативные высказывания. Чтобы адекватно отразить норму в предложении, необходимо сделать его нормативным, а не описательным, используя в нем нормативные термины [16, с. 144—145]. Этим терминам соответствуют и формы правовых предписаний: запрет, дозволение, обязанность [3, с. 23]. Стандартность нормативных терминов и речевых оборотов, используемых при формулировании норм права, обусловлена самой логикой норм.

«Суждения о содержании нормы, встречающиеся в решениях судов, зачастую служат аргументом правильной юридической квалификации, критерием правильности понимания смысла нормы права нижестоящей инстанцией или стороной спора» [3, с. 263]. Интерпретационные акты судов позволили выявить и квалифицировать отдельные лингвистические конструкции, содержащие право, обязанности и запреты.

Управомочивание:

- 1) краткое прилагательное «вправе» (предикатив) и глагол в инфинитиве;
- 2) использование слов «по своему усмотрению» и им подобных;
- 3) составное глагольное сказуемое, состоящее из глаголов «может», «быть» и причастия;

4) глагол «разрешается» и его синонимы с отглагольным существительным или глаголом в инфинитиве;

5) использование конструкции исключения из общего правила-запрета («за исключением случаев...», «кроме...»).

Долженствование:

1) составное глагольное сказуемое, состоящее из краткого прилагательного «должен», «обязан» или синонимов и глагола в инфинитиве;

2) глагол в форме третьего лица единственного или множественного числа настоящего времени в страдательном залоге;

3) глагол в форме третьего лица единственного или множественного числа настоящего времени в действительном залоге;

4) составное глагольное сказуемое, состоящее из краткого прилагательного «должно», инфинитива «быть» и глагола в страдательном залоге.

Запрет:

1) причастие «запрещено» и его синонимы с инфинитивом;

2) частица «не», предикатив «вправе» и глагол в инфинитиве;

3) использование конструкции исключения из общего правила-дозволения («за исключением случаев...», «кроме...»).

Таким образом, существенное значение для определения характера диспозиции нормы права имеет морфологическое выражение сказуемого в предложении, в котором сформулировано нормативно-правовое предписание, обозначающее:

— дозволение действий, тем самым предоставляется право на их совершение (можно);

— запретность действий, которые нельзя совершать (запрещено);

— обязательность действий, требуемых от лица (нужно что-то сделать).

Примечания

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. 4-е изд., доп. М., 2003. 944 с.

2. Власенко Н.А. Законодательная технология: (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская изд. компания, 2001. 144 с.

3. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 381 с.

4. Ушаков А.А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. 314 с.

5. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти. М.: Эксмо, 2009. 272 с.

6. Горохова С.С. Юридическая техника: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 311 с.

7. Реутов В.П. Единство терминологии как проявление культуры юридического языка // Юридическая техника: ежегодник. 2016. № 10. С. 265—269.

8. Трапезникова Е.В. Формула компьютерного толкования диспозиции нормы права // Юридическая техника: ежегодник. 2021. № 15. С. 710—714.

9. Хижняк С.П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения // Правоведение. 1990. № 6. С. 67—71.

10. Панов Н.И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. 2006. № 4. С. 18—28.

11. Юридическая техника: учебник для вузов / под ред. В.М. Баранова. М., 2020. 493 с.

12. Поздышев Р.С. Длжащееся правонарушение (теория, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 287 с.

13. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.

14. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

15. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.: Наука, 1966. 302 с.

16. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 192 с.

17. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.

18. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

19. Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.

20. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста: учебное пособие. М.: Норма, 2008. 448 с.

21. Справочник по нормотворческой технике / пер. с нем. 2-е изд., перераб. М.: БЕК, 2002. 296 с.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions / RAS. 4th ed., add. Moscow, 2003. 944 p. (In Russ.)

2. Vlasenko N.A. Legislative technology: (Theory. Experience. Rules): textbook. Irkutsk: East Siberian Publishing Company, 2001. 144 p. (In Russ.)

3. Cherdantsev A.F. Interpretation of the law and of the contract: a textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2003. 381 p. (In Russ.)
4. Ushakov A.A. Izbrannoe: Essays of the Soviet legislative stylistics. Law and Language. Moscow: RAJ Publ., 2008. 314 p. (In Russ.)
5. Legal technique: a textbook on the preparation of draft laws and other normative legal acts by executive authorities. Moscow: Eksmo Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)
6. Gorokhova S.S. Legal technique: a textbook and practice for universities. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2020. 311 p. (In Russ.)
7. Reutov V.P. Unity of terminology as a manifestation of the culture of the legal language. *Juridical techniques: yearbook*, 2016, no. 10, pp. 265—269. (In Russ.)
8. Trapeznikova E.V. The formula of computer interpretation of the disposition of the rule of law. *Juridical techniques: yearbook*, 2021, no. 15, pp. 710—714. (In Russ.)
9. Khizhnyak S.P. Legal terminology and problems of its ordering. *Jurisprudence*, 1990, no. 6, pp. 67—71. (In Russ.)
10. Panov N.I. Methodological aspects of the formation of the conceptual apparatus of legal science. *Jurisprudence*, 2006, no. 4, pp. 18—28. (In Russ.)
11. Legal technique: textbook for universities / ed. by V.M. Baranov. Moscow, 2020. 493 p. (In Russ.)
12. Pozdyshev R.S. Lasting offense (theory, practice, technique). Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2020. 287 p. (In Russ.)
13. Cherdantsev A.F. Logico-linguistic phenomena in jurisprudence: monograph. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2012. 320 p. (In Russ.)
14. Davydova M.L. Legal technique: problems of theory and methodology: monograph. Volgograd: VolSU Publ., 2009. 318 p. (In Russ.)
15. Shtoff V.A. Modeling and philosophy. Moscow: Nauka Publ., 1966. 302 p. (In Russ.)
16. Cherdantsev A.F. Logico-linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg: Nauka Publ., 1993. 192 p. (In Russ.)
17. Rosenthal D.E. Practical stylistics of the Russian language. Moscow, HSE Publ., 1974. 352 p. (In Russ.)
18. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovsky V.A. Stylistics of the Russian language: textbook. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)
19. Alekseev S.S. Law: ABC — Theory — Philosophy: the experience of complex research. Moscow, 1999. 712 p. (In Russ.)
20. Ivakina N.N. Professional speech of a lawyer: a textbook. Moscow: Norma Publ., 2008. 448 p. (In Russ.)
21. Handbook of rule-making techniques. Translated from German. 2nd ed., add. Moscow: BEK Publ., 2002. 296 p. (In Russ.)